

Вновь на экзаменационной арене и встреча с наставником. Часть первая

Как упоминалось ранее, госпожа Ван тайно распорядилась подготовить для Цзя Чжу небольшой обособленный дворик под внешний кабинет. Это подворье примыкало с юга к покоем матушки Цзя — их разделяла лишь стена, так что молодому господину было очень удобно являться к бабушке с утренним и вечерним почтением. Как только убранство привели в порядок, он сразу же туда переехал. Хотя матушка Цзя оставила за внуком комнату во внутренних покоях, надеясь, что в часы отдыха от занятий тот будет возвращаться под её крыло, юноша лишь из вежливости соглашался на словах. Новый дворик располагал собственной спальней; уединение дарило тишину и покой, которых так жаждал юноша, и потому во внутренних покоях он почти не ночевал. Беспокоясь, что внук подолгу засиживается во внешнем кабинете всего с двумя служанками, и опасаясь, что нерадивая челядь обделит его заботой, старая госпожа выделила ему в услужение одну из своих способных девушек по имени Суюнь. В то же время госпожа Ван то и дело отправляла к сыну служанку Биюэ со всевозможным питьем и яствами. Постепенно та совсем обосновалась в его дворике, пополнив число личных служанок. С учётом прежних служанок — Лэнхэ и Инхэ — в его распоряжении теперь состояли четыре старших горничных.

Узнав о переезде друга, Линь Сююй в прекрасном расположении духа явился в Жунфу, важно окрестив свой визит «поздравлением с новосельем». Прогулявшись по дворику и заметив, что у кабинета ещё нет названия, он загорелся внезапной мыслью. В пару к своей собственной «Комнате Слушания Сосен и Сна на Снегу» он нарёк обитель Цзя Чжу «Кабинетом Созерцания Луны и Ветра». Не откладывая дела в долгий ящик, тот лично вывел эти пять иероглифов на квадратных листах красной бумаги — доуфанах, а затем велел принести стремянку и, ловко взобравшись повыше, развесил их над входом. Этого ему показалось мало: он велел своему слуге Жуньби принести чистую парную ленту, а другому отроку, Иньши, приказать тереть тушь. Застыв с кистью в руке, юноша на мгновение погрузился в раздумья, а затем набросал изящное двустипши, сотканное из классических строк:

«Средь облаков покой обняв и воспевая ветры, внимаешь тишине, сокрывшей ширь земли и неба;

Пред вешним цветом и луной склонившись, созерцаешь сквозные тени и вдыхаешь нежный аромат под кровлей».

Отложив кисть, Линь Сююй тут же позвал Цзя Чжу оценить творение, нетерпеливо допытываясь, хорош ли слог. Цзя Чжу приложил ладонь ко лбу и со смехом покачал головой:

— Умоляю тебя! Даже если бы я вовсе лишился талантов и мне позарез понадобились чужие каллиграфические свитки, я бы обратился к почтенному наставнику или какому-нибудь признанному мудрецу. Тогда хоть перед гостями похвастаться можно было бы автографом великого мужа... А с твоей каллиграфией мне что прикажешь делать?

Линь Сююй мгновенно помрачнел, и он с притворной обидой буркнул:

— Ах вот как, по-твоему, почерк твоего брата Юя гроша ломаного не стоит?! Конечно, куда мне до великих мужей, я ведь ещё не снискал славы признанного мудреца...

Заметив, что шутка зашла чересчур далеко, и видя, как картинно дуется названный брат, Цзя Чжу поспешил его утешить:

— Ну же, брат Юй, не сердись, я сболтнул лишнего. Твои свитки бесценны! Ведь ты никому больше не дарил своих надписей, верно? Если же тебя так гнетёт отсутствие громкого имени, то приложи все силы на грядущих экзаменах и добудь звание чжуаньюаня! Вот тогда я смогу перед каждым встречным хвастаться, что храню автограф самого первого выпускника Академии!

При этих словах Линь Сююй наконец сменил гнев на милость и тепло улыбнулся. Наблюдательный слуга Жуньби, уловив момент, проворно взобрался на стол и аккуратно наклеил парные надписи на центральную стену кабинета.

Два месяца пролетели незаметно. Наступила осень, ознаменовавшая приход Праздника середины осени, а вместе с ним и время провинциальных экзаменов — сянши. Эти экзамены проводились раз в три года — в годы Крысы, Кролика, Лошади и Петуха. Испытания состояли из трёх туров: первый проходил девятого числа восьмого лунного месяца, второй — двенадцатого, а третий — пятнадцатого. В каждом туре кандидатам предстояло написать по три сочинения на заданную тему и составить одно пятисложное восьмистишие. Прибыть на перекличку требовалось накануне каждого испытания — восьмого, одиннадцатого и четырнадцатого числа соответственно, а покинуть экзаменационные кельи разрешалось лишь на следующий день после сдачи работ — десятого, тринадцатого и шестнадцатого. В тот год одним из экзаменаторов назначили Ли Шоучжуна, что не могло не радовать юношу — всегда спокойнее, когда за ходом суровых испытаний следит близкий человек.

Для Цзя Чжу это было вторым серьёзным испытанием в жизни. Накануне экзамена Линь Сююй, как водится, приехал ночевать в Жунфу, чтобы ранним утром восьмого числа вместе отправиться к экзаменационному двору. Вечером седьмого числа он держался куда увереннее, чем в прошлый раз. Линь Сююй же, полный решимости и надежд, походил на натянутую тетиву.

— На этот раз выбиться в первые ряды будет непросто, — заметил Цзя Чжу. — Говорят, в столичном округе на экзамен съехалось больше десяти тысяч человек.

Однако Линь Сююй лишь отмахнулся, лаконично бросив в ответ старую истину:

— Была бы цель, а путь найдётся.

«Истинный талант, — подумал Цзя Чжу. — С такой уверенностью и дух крепче, чем у обычных

людей»

Он покачал головой, прогоняя внезапно нахлынувшую тревогу, повернулся на бок и устроился поудобнее. К ночи заметно похолодало. Полусонный Линь Сююй поплотнее укутался в одеяло и инстинктивно прижался к нему. Вскоре сон сморил обоих юношей, и они погрузились в глубокое, спокойное забытие.

Восьмого числа на рассвете, в час Тигра, Цзя Чжу и Сююй в сопровождении слуг прибыли к экзаменационному двору. С собой они несли корзины с запасом еды, чистой воды и чая на все три тура испытаний. По заведённому обычаю всё имущество было тщательно досмотрено стражей у ворот, где кандидаты выстроились в длинную очередь. Внутри экзаменационного двора тянулись бесконечные ряды тесных келий-кабинок, обращённых на юг. Каждый ряд носил имя одного из знаков классического текста «Тысячесловие». На воротах, ведущих в проходы, красовались крупные литеры соответствующих разрядов. Как только все соискатели разошлись по местам, решётчатые двери заперли на замки, тяжёлые ворота затворились, и над округой грянул пушечный выстрел, возвестивший о начале экзамена.

Перед каждым новым туром соискатели меняли кабинки. В эти три этапа Цзя Чжу достались места в рядах «Нефрит», «Дева» и «Супруга», тогда как Сююй сдавал работы в рядах «Муж», «Жемчуг» и «Мужчина». Не считая пяти вопросов по государственному управлению в третьем туре, которые заставили его изрядно понервничать, экзамен прошёл на удивление гладко. Но стоило им выйти за ворота по окончании испытаний, как он тут же передумал расспрашивать друга об успехах. Один взгляд на сияющего, бодрого Сююя заставил его мысленно сокрушаться о том, насколько же разными природа сотворила людей. Его сосед, седовласый старый суцай, уже на второй день обливался потом и к концу экзамена остался в одном нательном исподнем; да и сам он чувствовал себя изнурённым и помятым. А вот Сююй выглядел так, словно только что вернулся с неспешной прогулки — свежий, элегантный, ни единой пылинки на одежде. Этот юноша всегда славился блестящим умом и быстротой мысли, так что сомневаться не приходилось: он наверняка закончил писать задолго до срока и томился от скуки в своей тесной камерке. Осознав это, он лишь досадливо стиснул зубы.

Оглашения результатов, как обычно, следовало ждать ближе к концу восьмого месяца. Другим оставалось лишь набраться терпения. Но тут зарядили осенние ливни. Небо беспрерывно лило слезы больше недели, и лишь к двадцать пятому числу облака наконец рассеялись, уступив место солнцу. Из-за затянувшейся сырости вся мебель в доме покрылась липкой влагой, а дороги развезло так, что выбраться куда-либо стало сущей мукой. Все эти дни Цзя Чжу томился в четырех стенах. Он уже давно не навещал усадьбу Линя и теперь ловил себя на мысли, что сильно скучает по другу.

Двадцать шестого числа Сююй не выдержал одиночества и за два дня до оглашения результатов сам приехал в поместье Жунго. Публикация списков была назначена на двадцать восьмое число. В этот день коллегия экзаменаторов должна была собраться в зале Чжигунтан, извлечь одобренные работы и прилюдно сорвать печати, скрывавшие имена кандидатов. Свитки раскладывали по местам, начиная с самого конца списка. Глашатаи звучно выкрикивали имя за именем, переноса их на огромный бумажный свиток, пока наконец не доходили до триумфатора — первого места.

<http://bllate.org/book/18221/1758923>